

УДК 82–343.4(5:73)

*Н. В. Искендерова,
доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Сумгайтского госуниверситета, Азербайджан*

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСТОЧНОЙ СКАЗКИ В США

В конце XVIII в. Восток был для американцев не только пространством «чужих», но и темой культурных и научных исследований, источником информации о странах, расположенных в этом регионе. В американских текстах Восток представляли в экзотическом ракурсе или частью собственного культурного воображения. Более того, выступая в более широком диапазоне, он становился символом политических устремлений.

Интерес Европы к Востоку был на самом пике еще в эпоху европейского Ренессанса. Отголоски этого интереса образованный иммигрант привез в американские колонии в XVII в. Восток в сознании первопоселенцев ассоциировался с роскошью и таинством, а также местом зарождения христианской веры. Поселенцы не прерывали связи со своей Родиной, и их познания о Востоке постоянно обогащались информацией из английских книг и журналов. Исследователь М. Исаани пишет: «Информация первых путешественников носила общий характер, и англичане могли обратиться лишь к таким сочинениям, как *Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation* Ричарда Хаклайта (Richard Haklyut) и *Haklytus Posthumous or Purchas His Pilgrims* Сэмюэля Пэркса (Samuel Purchas). Драматурги украшали сюжеты своих пьес, обращаясь к экзотике стран Востока» [1, с. 5–6].

Новые американские поселенцы, большей частью вынужденно сменившие места жительства, испытывали беспокойство по поводу опасности интеллектуальной замкнутости, которая могла появиться из-за дальнего расстояния от Старого Света. Несмотря на неимоверный труд, большинство из них собирали внушительные библиотеки. В этих коллекциях записки путешественников, занимавшие первенствующее место, позднее уступили место художественной литературе [2, с. 8–9]. Основной частью чтения в колониальной Америке были исторические хроники, некоторые из них были связаны с Дальним Востоком. Так, судья Френсис Бринли из Ньюоррта имел в своем библиотечном фонде в 1713 г. *Dutch History of China*; Сэмюэль Ли, пастор церкви в Бристоле, Массачусетс, приобрел «*Sayndy's History of China*», а его друг, Эбенезер Пембертон *The Memoirs of the Chinese People* [1, с. 16–19].

Ближний Восток, и в особенности Турция, были центром влечения колонистов. Американский писатель той поры Коттон Мэтью упоминал в своих письмах и сочинениях Талмуд и Коран, а также «Историю Египта» (*Egyptian History of Murtada Ibn al Khafif*). Турецкие хроники были очень популярны в библиотеках Новой Англии. Так, солдат Майлз Стэндиш оставил после смерти «Историю Турции»; каталог книг, подготовленный для продажи библиотекой Эбенезера Пембертона в 1717 г., включает в себя *History of the Turks, 2 vols.*, а также *Conquest of Syria, Persia and Egypt* [2, с. 21–23].

Интерес к Востоку и восточной культуре отразился также в образовательной системе колониальной Америки. Почти со дня образования Гарвардский колледж внедрил в программу изучение восточных языков и литературы. Понятие «восточный» для них имело более узкий смысл и больше ассоциировалось со словом «библейский». Тем не менее, изучение восточной культуры в единственном американском колледже до 1693 г. было значительным культурным и политическим событием, ибо влияние его выпускников на систему взглядов граждан страны было немаловажным. В течение 3-х лет обучения в колледже студенты посвящали четверги изучению восточных языков и библейской литературы. Так, первокурсники изучали иврит (древнееврейский), второкурсники – халдейский (древнеавилонский язык), а старшекурсники – древнесирийский язык. Даже президент Гарварда Данстер сам учил восточные языки. Утром студентам читали лекции, во второй половине дня они читали Библию на восточных языках. В начале возможности были ограничены, далее дары и приобретения настолько обогатили библиотеки, что к 1723 г. книжный фонд библиотеки Гарварда уже включал 99 томов по восточным языкам [3, с. 25].

Никого не удивил в 1760 г. заказ общественной библиотеки города Салема, штата Массачусетс, на приобретение произведений Конфуция, изданий Корана и книг о жизни Магомета. Религиозный интерес и научное любопытство побудило некоторых колонистов прочитать Коран. Правда, к тому времени доступным был лишь неадекватный перевод с французского языка, опубли-

кованный в последнем томе *Generall Historie* (автор Knolless). Вплоть до 1734 г. этот перевод оставался единственным в своем роде. Лишь классический перевод Джорджа Сейла (George Sale), сделанный с арабского оригинала в 1734 г., сочли достойным эквивалентом оригинала. Конечно, сыграла свою роль и репутация Сейла и желание американцев узнать истину из самого источника. Известно, что к 1755 г. президент Йельского Университета Клепп (Clapp) отметил этот перевод Корана как «рекомендуемый и для начальных, и для старших курсов» [3, с. 223].

«В колониальный период в Новой Англии не было четкого представления о Востоке, – пишет исследователь М. Обедиат. Даже прошлые крестовые походы в истории Европы не смогли наложить особого неприязненного или враждебного отношения к мусульманам в пуританской Новой Англии. Прямого контакта с азиатскими странами также не было. Первым событием, вызвавшим чувство горечи, стал захват в плен американцев пиратами североафриканского побережья Средиземноморья. Однако и это событие не вызвало всеобщего чувства злобы и ненависти к Востоку и исламу» [4, с. 92].

В общем же отношение к Востоку основывалось на любопытстве и уважении. Это могут подтвердить выступления студентов в пользу образования, которые прозвучали на майские праздники 1699 г. в Университете Вирджинии. Студенты с воодушевлением перечисляют достижения восточных народов в философии, геометрии, арифметике и астрологии, мечтая о том счастливом дне, когда им удастся «превзойти азиатов в любезности, евреев в религии, греков в философии, египтян в геометрии» [1, с. 33].

Развитию просветительского и культурного уровня «новых англичан» способствовало развитие торгово-экономических отношений с другими странами. В 1784 г. американский корабль *Empress of China* стал первым судном, достигшим китайского города Гуанчжоу. Он вернулся с необыкновенным грузом и отчетом о путешествии, который был опубликован и, конечно же, воодушевил многих сограждан на это «рискованное мероприятие». Это событие стало поворотным моментом в американо-восточных отношениях. Многие порты на северо-восточном побережье Америки, самые оживленные из них – Салем и Бостон, стали налаживать торговые связи со странами Ближнего Востока, а также с Индией и Китаем [5].

Торговые отношения заложили начало интереса и к восточной сказке, являвшейся зеркальным отражением всех чудес Востока.

Средний Восток считался родиной нравоучительной сказки. Причина этого, по мнению американцев, была заложена в традициях, образовании и религии Среднего Востока. Еще в начале XVIII в. американцы были знакомы с образцами восточной сказки и ее традициями. Эти сказки и их псевдообразцы появлялись в популярных английских печатных изданиях Аддисона и Стиля и вызывали ажиотажный интерес и в Америке. Английские журналы *Spectator* и *Tatler* считались самыми популярными изданиями и в Америке, и даже студенты Гарвардского Университета пытались опубликовать в них «подражания восточным сказкам».

Сказки «а-ля Адисон» стали весьма популярными в американских писательских кругах и демонстрировали степень влияния Адисона на читательскую аудиторию. В течение последней декады XVIII в. в американских журналах было опубликовано более 100 сказок, из которых более 2/3 принадлежали американским авторам. Около 3/4 этих сказок были написаны в жанре нравоучительной сказки [6].

Американская романтическая сказка также занимала немалое место среди восточных историй. Она создавалась и в прозе, и в стихах. Ее возможности привлекали многих художников слова, в том числе и зрелых мастеров: Т. Дуайта, В. Ирвинга, Э. По. Однако в XVIII в. романтическая сказка не пользовалась особой популярностью у американских читателей. Она приобрела славу американской литературной формы лишь в XIX в.

Из четырех самых крупных журналов Америки *The American Museum* (1787–1792) и *The Columbian Magazine* (1786–1792) опубликовали 4 и 7 сказок соответственно, *The New York Magazine* (1790–1797) напечатал 30, *Massachusetts Magazine* (1789–1796) – 38 сказок [6, с. 29]. Этому периоду американской журналистики предшествовали публикации британских авторов. Но даже успех таких известных писателей и издателей, как Адисон и Стиль, не смог бы способствовать созданию журнальной литературы в Америке, ни будь общественного интереса и стремления самих американцев к Востоку и к непосредственным контактам с этим регионом. Американская восточная сказка, как итог «вынужденной деятельности воображения» и закономерного развития литературы постколониального периода, отражала эти настроения. Этим было вызвано и стремление изучить эволюцию восточной сказки.

Восток является родиной «обрамленной повести или рассказа» (много позднее

они стали прототипами известных европейских литературных образцов, таких как «Декамерон», «Кентерберийские рассказы»). «Сборники историй с обрамлением, – пишет исследователь Мелетинский, – сопоставимы с отдельными романами или повестями авантюрного или эпизодного построения, в которых определенные эпизоды или прямо вставные рассказы имеют относительно самостоятельное значение. Так возникают книги новелл, которые могут рассматриваться в качестве замкнутой структуры и как единое произведение» [7, с. 6]. К примеру, один из древневосточных памятников египетской литературы XVII в. до н. э. – «Сказки папируса Весткар» – является первым сборником «обрамленного рассказа» в мировой литературе, содержание которого сводится к тому, что Фараон IV династии Хуфу (Хеопс) заскучав, предлагает своим сыновьям развлечь его, рассказывая интересные истории. Его сыновья: известный мудрец Джедефхор, преемник Хуфу на престоле страны и строитель второй великой пирамиды Хафра (Хефрен), и третий сын Буфа, рассказывают отцу поочередно невероятные истории прошлых времен [8, с. 53].

В Индии были созданы такие знаменитые «обрамленные» сборники малой повествовательной прозы, как «Панчатантра», «Хитопадеша», «Тантрак-хьяика» и др. Некоторые из этих сборников, в частности «Панчатантра», были переведены на многие языки, в том числе западноевропейские. Сборники имеют дидактическую направленность. Такие жанровые типы, как басни (о дружбе, вражде и взаимном обмане зверей), примитивный анекдот с его хитрыми и глупыми персонажами, легенда, притча и сказка соседствуют и переплетаются в этой оригинальной индийской прозе [7, с. 32].

Арабская сказка, в особенности сказки «Тысяча и одной ночи», содержащая меньше анекдотов, волшебных сказок и дидактики, чем индийская проза, достигла гораздо более высокой степени новеллизации. Древнейший слой, «индо-иранский», прямо восходит к индийской традиции, над ним возвышаются еще два слоя: «багдадский» и «египетский» [9, с. 45].

Эти образцы восточных новеллистических сборников попадали в Европу различными путями: посредством путешественников, торговых караванов и участников крестовых походов. По мнению многих исследователей, Испания, находившаяся во власти арабского халифата, сыграла важную роль литературного посредника между Востоком и Западом. В XII–XIII вв. в Испании появился сборник новелл «Наставления клирику Петра Альфонсо», переведенный с арабского или древнеев-

рейского на латынь [10], и «Калила и Димна», восходящая к «Панчатантре» и переведенная с арабского на староиспанский.

В новеллистических сборниках темы коварства, предательства и обмана занимали, можно сказать, первенствующее место. Так, в 1253 г. в Испании был переведен сборник новелл под названием «Книга об обманах и хитростях женщин». Сочиненный в Индии, этот сборник при посредничестве латинского перевода разошелся в форме обработок под названием «Роман о семи мудрецах», или «Доломатос». На испанский язык была переведена арабская версия этого сборника, названная «Сендебар». Книга имела ошеломляющий успех во всех европейских странах, ибо средневековые стереотипы, обвинявшие женщин в греховности, коварстве и лжи, и близость этих взглядов догмам католической церкви оправдывали сюжеты этих новелл при напаках на «злых и коварных жен» и в «поисках ведьм» [8, с. 56].

«Традиция испанской прозы, – пишет исследователь Е. Лысенко, – не без влияния арабо-мусульманской повести сохраняет вкус к назидательным изречениям и поговоркам вплоть до авторов “пикареского” (плутовского) романа. И успех [этих произведений] в значительной мере поддерживался тем, что скандально-разоблачительные картины жизни подносились читателю... в качестве повода для благочестивого и практического назидания [11, с. 9]. Назидательные сказки, рассказываемые восточным мудрецом, служили воспитанию добродетели. Как отмечает М. Саани, самой популярной в колониальной Америке была коллекция средневековых сказок восточного происхождения под названием «Роман о семи мудрецах». Рожденные в Индии, эти сказки были объединены в Персии в собрание под названием «Книга Синди Бада» (The Book of Sindibad) и позже появились в Европе посредством греческого перевода» [1, с. 57].

Интерес к культуре Ближнего Востока имел глубокие корни. Известно, что еще до падения Гранады Испания была местом встречи культур Запада и Востока. Испанцы с такой готовностью изучали арабскую культуру, что ревнитель христианства Альваро в 854 г. писал в отчаянии: *Молодые христиане, известные своими талантами, не имеют никакого представления ни о какой другой литературе (или языке), кроме арабской. Они с жадностью изучают арабские книги, собирают из них целые библиотеки и исполняют везде арабский фольклор. ... Когда дело доходит до арабской письменной речи,*

они с таким изяществом выражаются на этом языке, и даже сочиняют стихи, которые по изяществу могут превзойти произведения самих арабов [1, с. 51].

К концу XVII в. новые восточные сказки, коренным образом отличавшиеся от средневековых историй восточного происхождения, появились и в Америке. Ведь ко времени колонизации Америки интерес Запада к Востоку насчитывал несколько столетий. Первые американские колонисты прожили большую часть своей жизни в Англии, где постоянно оглядывались на Восток с любопытством и алчностью. Великая эпоха Ренессанса только закончилась. Зарождение торгово-экономических связей в результате открытий и путешествий на Восток расценивалось как дело национальной важности.

Эпоха Романтизма привнесла в жизнь не так давно освободившихся от догм пуританизма меркантильных американцев новые мироощущения. Нарастающий контакт с Востоком был налицо: восточные артефакты в виде ковров, утвари, одежды и оружия можно было встретить в домах американской аристократии [2, с. 17–20]. В объектив художественного мировосприятия попадает теперь уже сам человек со своими чувствами, настроениями и эмоциями. До конца XIX в. восточная сказка стала важным элементом американского ориентализма. Восток американцам преподносился разный: состоящий из «цивилизованных и дикарей», включающий «те народы, кто ныне проживает в Азии», но и тех, кто, несмотря на перемену места жительства в Европу, до сих пор хранят особенности восточного характера и считаются восточными людьми» [12, с. 5].

Эстетическая функция Востока, как в европейской, так и в американской литературе не исчерпывалась использованием лишь композиционных форм, восточных сюжетов и стилистических приемов. Введение реалий восточной культуры, истории и быта должно было оживить у читателя истинное представление о «стране мудрости и экзотики». Новеллы «Альгамбры» Вашингтона Ирвинга построены в стиле обрамленных восточных рассказов: в них присутствует стиль изложения, характерный для восточных сказок, фольклорные мотивы, а также американский юмор самого автора [13].

Большое количество американских романтических сказок посвящено военно-дипломатическому кризису США в Средиземноморье в начале XIX в. Все из этих произведений были написаны в различных жанрах: так, «Алжирский Шпион» (The Algerine Spy) – сатири-

ческий роман о Востоке, иносказательно повествующий о внутренних проблемах США; «Барбаросса» (Barbarossa) Джона Брауна описывает трагедию в Алжире; «Рабы в Алжире» (Slaves in Algiers) Сюзанны Роусон – драма о любви и приключениях; «Алжирский пленник» (Algerine Captive) Ройала Тайлера – плутовской роман¹. Основной темой в этих историях являются любовные приключения, страсть к неизведанным приключениям, экзотика восточной культуры. Тем не менее, они не лишены устрашающих образов носителей чужой культуры, представлявших мусульман и ислам в целом, и служили единственной задаче – процессу национального самопознания поселенцев Нового Света.

Восточные сказки Эдгара По представляют следующую страницу в эволюции американской романтической сказки. В них романтические нотки ослабевают, предоставляя место рационализму и мистицизму, и появляется тяга к схоластицизму. «Аль-Аараф», «1002 сказка Шехерезады» и «Сказка скалистых гор» Э. По обладают вышеназванными качествами.

Восточная сказка являлась прогрессивным и популярным фактором в эволюции данного жанра в Америке. Некоторое запоздание появления восточных сказок в Новом Свете объясняется сложностями процесса публикации этих произведений в Англии, неуважительным отношением к прозе и недостаточным количеством журналов и газет в Америке. Несмотря на все сложности, восточные сказки известных американских романтиков пользовались огромной популярностью. Поддерживаемые потребностью самоопределения молодой нации, эти произведения послужили развитию американской новеллы и всей литературы США в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Isaani M.* Oriental Tale in America through 1865: A Study in American Fiction. Ph.D. diss., Princeton UP, 1962. – 193 p.
2. *Malini-Schueller J.* U.S. Orientalisms: Race, Nation, and Gender in Literature, 1790–1890. Ann Arbor: U of Michigan P, 2001. – 264 p.
3. *Wright T.* Literary Culture in Early New England, 1620–1730. 1920, reprint. New York: University Press of the Pacific, 2003. – 324 p.
4. *Obediat M.* Royal Tyler's «The Algerine Captive» and the Barbary Orient / M. Obediat. // American Journal of Islamic Social Sciences 5, no. 2, 1988.

¹ Плутувской (или пикарескной) роман также имеет восточные корни: в X в. в арабской прозе возникла особая разновидность художественного повествования – макамы – короткой плутовской новеллы, сатирически изображающей нравы средневекового арабского города.

5. *Luedtke L.* Nathaniel Hawthorne and the Romance of the Orient. Bloomington: Indiana University Press, 1989. – 304 p.
6. *Kamrath, M.* An «inconceivable pleasure» and the Philadelphia Minerva: Erotic Liberalism, Oriental Tales and the Female Subject in Periodicals of the Early Republic / M. Kamrath // *American Periodicals: Journal of History, Criticism, and Bibliography* 14.1, 2004. – С. 3–34
7. *Мелетинский, Е. М.* Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1990. – 278 с.
8. *Бадалбейли, У.* Восточные мотивы в литературе английского Возрождения : дис. ... д-ра филол. наук / У. Бадалбейли. – Баку, 2004. – 270 с.
9. *Фильштинский, И. М.* Предисловие / Тысяча и одна ночь : в 3 т. / И. М. Фильштинский. – М. : Наука, 1983. – 656 с.
10. *Alphonso, P.* Diciplina clericalis. Mighe, Patrologial cursus сопепectus. Т 157, 1854, col. 671–706. – 890 p.
11. *Лысенко, Е.* Предисловие / Фернандо де Рохас Селестина / Е. Лысенко. – М. : Худ. литература, 1959. – 229 с.
12. *Aravamudan, S.* Tropicopolitans: Colonialism and Agency, 1688–1804. Durham : Duke University Press, 1999. – 440 p.
13. *Искандерова, Н. В.* Восточные мотивы в сказках Вашингтона Ирвинга / Н. В. Искандерова // *Elmi araşdırmalar, AMEA Şərqşünaslıq İnstitutu.* – 2006. – № 1–4. – S.110–114

SUMMARY

American oriental tale appeared at the turn of the XVIII century as a result of the oriental fantasies of the North American colonists who inherited the interest of their ancestors to the East, its culture, philosophy and material values. Reflecting the ideas of the Enlightenment, US oriental tale became a stage of logical development of postcolonial literature. In the XIX century the romantic tale turning into the American literary form became the precursor of the American literature. The US periodical literature and well-known American writers such as W.Irving, E.Poe, H.Melville and others created works in the genre of oriental tales.

Поступила в редакцию 02.04.2015 г.